

ЧЕТВЕРГ, 1 ДЕКАБРЯ
(14 декабря) 1905 г.

№ 26

ГОД ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Российская
Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Новая Жизнь

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Бывшие служащие помещика Булгака, несчастные жертвы помещичьего произвола,

ОБЪЯВЛЯЮТ БОЙКОТ

владельцу имений — Черринку, Новелу Выхов и Бересенку, Могилевской и Минской губернии,

Эммануилу Иосифовичу Булгаку —

за систематическое удаление всех служащих раньше условленного срока (прибегая к обману, нагайкам и публикациям в волостных правлениях) для удержания заработной платы ими денег.

Потерпевшие умоляют Совет Рабочих Депутатов заставить черносотенного помещика-хищника возратить их кровные деньги.

Покорнейше просим другие газеты перепечатать это объявление.

В воскресенье
в Народном Доме Нобеля,
Нюстадтская улица, 12,

будет собрание рабочих живописно-малярного ремесла. Собрание начнется ровно в час дня и продолжится до 3 час.

Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. в заседании 30 ноября 1905 года постановил:

1) Немедленно произвести выборы представителей фракции „большинства“ на предстоящий съезд как от Комитета, так и от всех работников местной организации.

2) Выборы от всех членов организации произвести, согласно предложению Ц.К., по расчету 1 представителя от каждых 300 работников местной периферии.

3) Выборы производить в районных и подрайонных собраниях (соответственно местным условиям) по общему списку кандидатов, при чем всем членам организации предоставляется право вносить в этот список желательных кандидатов.

Комитет предлагает всем членам организации принять самое деятельное участие в выборах, чтобы содействовать возможно полному представительству местных работников на предстоящем съезде.

Пет. Ком. Р.С.-Д.Р.П.

30 ноября 1905 года.

Комитет Императ. Вольно-Экономического Общества и общественных организаций для помощи голодающим, надеясь на помощь общества в страшной бедствии неурожая, постигшем 23 губернии с 20 миллионами крестьян, открыл, кроме своей главной кассы на Забалканском пр. д. 33, свои филиальные отделения, принимающие с благодарностью пожертвования на всякую сумму, в следующих местностях города:

1) у секретари комитета, В. Э. Кетрица (Преображенская ул. д. 42, кв. 31) до 11 час. утра;

2) у бухгалтера комитета А. М. Безбородова (Калашниковская наб. 30);

3) у А. Д. Рухлова (Невский пр., 27, в Росс. обществе) 10—4 часов;

4) у Ник. Ив. Лутугина (Галерная ул., 32, служба сборов Балт. ж. д.) 10—4 час.;

5) в гимназии М. Н. Стоюниной (Кабинетская, 20) в будни 10—2 час.;

6) в книжном магазине Мелье (Цинзерлинга) Невский пр., д. 20, Голландской церкви;

7) в Геологическом комитете (Вас. остр., 4 линия, д. 15) у Н. Ф. Погребова, от 2—4 час.

С.-Петербург.

1 декабря 1905 г.

Капитализм и социализм.

Буржуазия боится за свое будущее. Я говорю прежде всего о русской буржуазии — она с таким удовольствием готовилась взять в свои руки кормило правления. К сожалению, она должна констатировать, что и борьба за свободу на первом плане, как самая организованная и могучая сила, выступил пролетариат. Страх ее перед пролетариатом еще более усилился, когда она узнала, что соц.-дем. партия решила поддерживать требования крестьянского населения относительно передачи земель народу. Ужас буржуазии достиг своего апогея, когда среди с.-д. возникла и окрепла мысль об организации временного правительства из элементов крайней революционной демократии, т. е. представителей пролетариата и крестьянства. Буржуазия прекрасно сознает, что деятельность этого временного правительства будет направлена не только против реакции, но и против буржуазии. Временное правительство, состоящее из представителей пролетариата и крестьянства, по меньшей мере нейтрального в борьбе городских рабочих с промышленным капиталом, немедленно примет целый ряд мер к безотлагательному осуществлению соц.-дем. программы-минимум. Уже это само по себе не может быть приятно для господ капи-

талистов, но этого мало. Ряд мер для облегчения положения городской и сельской бедноты, широкая агитация, широкая пропаганда идеи демократической республики и непрерываемого народного суверенитета, пущенная в ход со всеми гигантскими ресурсами, предоставляемыми современным государством, — несомненно, обеспечат политическое господство низов населения над верхами также и в грядущем Учредительном Собрании.

Буржуазия привыкла рассматривать государственную машину как свой служебный аппарат, государство в руках революционной демократии, государство в руках большинства нации, идейно руководимого злейшим врагом буржуазии — соц.-дем., — это нечто совершенно новое и страшное.

Пугаясь открывающихся с этого пункта перспектив, буржуазия старается доказать, что соц.-дем., ставя перед собою подобные задачи, уклоняется от собственных своих принципов. Цитируя положение Маркса, что прежде, чем пролетариат сможет повести серьезную атаку для завоевания государственной власти, эта власть должна оказаться в руках буржуазии, русская буржуазная пресса старается уверить и себя и других, будто это одно из существеннейших и нереложных краеугольных положений научного социализма. На деле же это положение является скорее индуктивным выводом, чем принципом, претендующим на абсолютность. Сделаем, например, такое предположение: в Западной Европе разражается социальная революция, в России же самодержавие сохраняет еще власть в своих руках: неужели при этих условиях торжествующий интернациональный пролетариат ограничится бы тем, что отдал бы судьбу России в руки крупной буржуазии? Это явная нелепость.

Когда французский пролетариат в 48 году выставил против трехцветной республики идею республики крас-

ной, Маркс указал те причины, которые делали осуществление этого идеала для того времени невозможным: 1) французский пролетариат неясно различал еще свою классовую обособленность и склонен был заключать противоестественные союзы для достижения таких целей, достигнуть которые он должен исключительно своими силами; 2) Франция являлась в то время передовой страной; остальная континентальная Европа тянулась за нею в хвосте политически и экономически: социальная же революция мыслима лишь как интернациональная. Для России положение совершенно другое, и пролетариат может рассчитывать теперь на настоящие и прочные успехи.

Но существует другое, действительно непреложное положение научного социализма: социализм осуществим только на почве, подготовленной капитализмом. Капитал разрушает маленькие одноклеточные хозяйственные организмы, он сплачивает их вместе и организует промышленные колоссы, он растит экономические силы человечества, делает возможным неслыханное развитие машинной техники и создает небывалое могущество человека над природой. Но с этими созданными капиталом волшебными силами, обеспечивающими за человечеством хозяйственное могущество в таких пределах, о каких прежде не смели и мечтать, представители капитала не в состоянии сладить. В руках капитала царственный скипетр экономической власти над природой не дарует счастья человечеству, но эта власть созрела и ждет того часа, когда ее возьмет в свои руки созданный капиталом могучий противник буржуазии, мессия-освободитель человеческого рода — пролетариат.

Но, кроме этого могучего врага, капитал создал себе и других врагов. Мелкие буржуа — владельцы мелких хозяйств, которые гибнут и ломаются под страшным прессом

Барселонская всеобщая стачка.

Вопрос о всеобщей стачке, с необычайной силой всплывший в последнее время, принадлежит к самым спорным в теоретическом смысле.

Ответить, что такое всеобщая забастовка, не так легко, тем более, что между частичной и всеобщей стачкой нельзя провести вполне ясной грани, как нельзя ее провести между экономической и политической стачкой.

Поэтому особенно ценным является знакомство с характером всеобщей стачки в Западной Европе. Мы остановим здесь внимание читателей на стачке в Барселоне в феврале 1902 года, когда город остался без воды, света, хлеба и мяса, что случается редко.

Эта стачка представляет довольно типичный пример того, как протекают всеобщие стачки на Западе, и мы приведем ее описание со слов одного корреспондента, тем более, что оно не вошло в нашу книгу: «Формы рабочего движения».

«Телеграф уже вкратце сообщил вам, — писал этот анонимный корреспондент, — о тревожных событиях, происходивших в Барселоне и соседних с ней городах. Ко времени получения настоящей корреспонденции движение, вероятно, будет подавлено, порядок восстановлен, и цветущая столица Каталонии войдет в обычную колею своей

примерно трудовой жизни. Но душевное состояние, переживаемое в эти дни правительством, аристократией, буржуазией и рабочим классом, заставляет подробнее остановиться на явлениях, исключительных по своей грандиозности, отложив освещение их до другого раз».

В «El Liberal», издающейся не только в Мадриде, но и в Барселоне, Севилье и Бильбао, 20 февраля телефонируют: «В разных местах происходят схватки между стачечниками и войсками. Со всех сторон непрерывно слышатся выстрелы. Тревожные сообщения цензура задерживает. Наша редакция положительно блокирована». В «El Imparcial» читают: «Из телефонной станции слышна перестрелка. Мы, можно сказать, среди разгара революции (здесь звук прерывается). Последняя телеграмма вечернего «El Geraldo de Madrid»: «...Это — настоящая революция. Ужасное зрелище».

По привычке испанского правительства свободное телеграфное и телефонное сообщение прервано между БарCELONой и Мадридом, что способствует распусканию преувеличенных слухов.

Неудивительно, если в последние дни циркулировали и даже принимались на веру вести, будто самые большие магазины на бульваре Rambla и в улице San Fernando разграблены, будто некоторые фабрики разрушены и подожжены, будто командующий войсками округа, генерал Бархес, ранен.

Весь сыр-бор загорелся из-за так называемых металлургических рабочих, часть которых, человек 400, месяца

сом капиталистической конкуренции, вопиют против капитала. Идеал их позавидней, — в тех временах, когда этот пресс еще не давил их, когда они мирно существовали в своих обособленных маленьких домиках, каждый за своим обособленным маленьким делом. Чувствуя, что единичными силами бороться с капиталом было бы смешно, они объединяются в союзы, они создают свои утопии, которые на первый взгляд как будто смахивают на социализм: та же ненависть к крупной буржуазии и капиталу, те же лозунги равенства и братства всех-обездоленных. Но на самом деле все эти утопии экономически глубоко реакционны. Представители гибнущих классов мечтают о сохранении мелкого индивидуального хозяйства. Им хотелось бы только обобществления кредита, организации рынка; словом, мер относительного коллективизма, для охраны их маленьких уголков, для приостановки экономического процесса, ведущего к торжеству крупной промышленности. Как в старину цеховое право воспрещало иметь батраков более известного количества, так и теперь органической частью реакционно-социалистических утопий является законодательное воспрещение наемного труда. Эти наивные Иисусы Навины хотят остановить солнце. Именно такова и аграрная программа социал-революционеров, родных братьев всяких прудонистов и радикал-социалистов.

Но, если бы им и удалось остановить "солнце", мы, социалисты, мы, представители промышленного пролетариата, должны были бы протестовать против этого искусственного тормоза на пути экономического развития и человеческого прогресса. Конечно, между социал-демократами и всякого рода радикал-социалистами не только возможны, но и естественны союзы для борьбы с политической реакцией и властными замашками жадного капитала, но и та-

кие союзы, особенно частые и прочные во Франции, к сожалению, обыкновенно вредно отражаются на чистоте экономических идеалов пролетарской партии. Так случилось, например, Габриэль Девиль, один из ученых марксистов Франции, заявив, что так называемые гибридные хозяйства, т. е. такие, в которых хозяин, хотя бы то и наряду с наемниками, работает собственными руками, — вполне допустимы и при социалистическом строе, и что меры для защиты их против конкуренции крупного капитала не противостоят ортодоксальной социалистической программе.

Русская социал-демократия никогда не вступит на подобный путь. На ее знамени написано "социализм", и она не подменит этого светлого идеала никакой тусклой мешанской утопией.

Капиталу предстоит в России сделать еще огромную работу. Россия еще и теперь нуждается в высшей мере в капиталистической выучке. При известных условиях, которые мы неоднократно перечисляли, т. е. при демократической республике, высшей степени сознательности и организованности пролетариата, при политической поддержке его со стороны крестьянства и наличности социальной революции в Западной Европе, — возможны, конечно, как мы уже писали, немедленные меры к обобществлению созревших уже для него отраслей промышленности. Но капиталу останется громадная область мелкого производства, где ему предстоит только еще подготовить почву для социализма.

Так вот как! Значит, вы отдаете на жертву всем мукам процесса свержения капитализма большую часть России? Вы отмахиваетесь от 100 миллионов ваших сограждан и ничего не хотите предпринять для них? — Ничуть не бывало: социал-демократия примет, конечно, все меры,

два тому назад вступила в стачку вследствие нежелания предпринимателей согласиться на девять часов работы в день, — сбавить один час. Около 10.000 рабочих, занятых в Барселоне той же отраслью промышленности, тиснет предлагали хозяевам уменьшить на час трудовой день. С тех пор брожение стало распространяться, и наконец, в воскресенье 17 февраля в городе состоялось 44 митинга, на которых была принята резолюция о всеобщей забастовке.

Одновременно выпущенная в огромном количестве экземпляров прокламация подлила масла в огонь. «Миновал, — между прочим, говорилось в ней, — карнавал, эта жалкая выставка роскоши и расточительности, которую наши эксплуататоры ежегодно устраивают, чтобы вдвойне оскорблять нищету, голод и холод, переносимые нами. Между тем как золото пригоршнями бросалось на конфетти, серпантин, костюмы, балы и рестораны, а шампанское лилось потоком, тысячи и тысячи тружеников нуждались в хлебе и крове. Все промыслы доведены до истощения, фабричное дело порабощено, жизнь стала невозможна для бедного рабочего. Наш долг — положить конец терпению, мольбам, добрым приемам; наша неотложная обязанность — предпринять энергичные и решительные действия, которые вознаградили бы титанические усилия механиков, вот уже десять недель бесплодно борющихся против жестокой буржуазии, ободряемой сознанием отсутствия солидарности между рабочими. Восстанем, товарищи, честный народ! Бросим работу

все, от подметальника до машиниста, от слуги до надсмотрщика, — словом, все, кто трудится. Пусть никто не двинется с места, пусть прекратится все, и пусть ответом на отказ кровопийцы будет молчание и всеобщий голод. Без пищи, питья, освещения, чистоты — наши враги сдадутся».

С раннего утра 17 февраля усиленные выкрикивания названия одной из радикальных газет разбудили барселонских жителей. То был условленный сигнал, и стачечники стали высыпать на улицу, сходиться в центре и на окраинах. Без всяких колебаний та или другая кучка направлялась в известную сторону, несомненно, повиноваться заранее выработанному плану мобилизации. Шопотом что-то передавали рабочие друг другу, вероятно, лозунг всеобщей забастовки. На площадях собрались многочисленные толпы, пылавшие гневом и негодованием.

К девяти часам магазины торопливо стали закрываться; те, которые медлили, поплавились дорогими стеклами; в других, упорно сопротивлявшихся, товары были изломаны и изорваны. Рабочие набросились на служаков, возвращавшихся с рынков, и отняли у них корзины с продуктами, затем осадили бойню и, захватив несколько мясных туш, разорвали их на части и наделили своих женщин и детей. Только к полудню выехало несколько повозок с мясом под охраной жандармов.

Некоторые фабрики начали было работу, но на них не хватило и половины рабочих. Те, которые явились, с чув-

сделает все от нее зависящее, чтобы поставить капитал в рамки гуманного, строго проводимого в жизнь законодательства; она сделает все от нее зависящее, чтобы облегчить мучительный переходный период, но она никогда не включит в свою программу ни одной меры, которая клонилась бы к приостановке или замедлению процесса. Против включения подобных мер в аграрную программу или в программу для защиты ремесленников всегда боролось левое ортодоксальное крыло социал-демократических партий всего мира. Никакие lamentации, никакие взрывы негодования со стороны прекрасодушных мечтателей или сладкоречивых демагогов не побудят нас затемнить истину и отказаться от трезвого взгляда на вещи.

Пропаганда и агитация могут, конечно, способствовать переходу сотен, может быть, тысяч мелких собственников на чистую социалистическую точку зрения, но доказать миллионным массам совершенную безнадежность мечтаний об укреплении мелкого хозяйства, разрушить создавшуюся на его почве индивидуалистическую психологию, экономически подготовить производство к переходу в руки всего общества может один только стихийный учитель — капитализм.

Капитал должен сыграть свою роль, прежде чем он сыграет ее до конца — немисливо полное осуществление социализма. Но политического господства представителей капитала мы не должны допустить.

Такая комбинация, безусловно, мыслима и даже неизбежна, что бы ни говорили испуганные буржуа, с одной стороны, и лишенные научного понимания действительности, пыльные верхогляды — с другой.

А. Луначарский.

своем страхе переглядывались и, в конце концов, удалялись в одиночку, либо партиями. Выходили вагоны трамвая, но в них всакивало по несколько субъектов, и после энергичного перепропывания с машинистом и кондуктором вагоны устремлялись обратно в парк; экипажи останавливались и отсылались домой. Эмиссары забастовщиков шныряли всюду: повидному, все было предусмотрено, и даже в самые отдаленные уголки города доходили приказания, слепо исполнявшиеся. Группы женщин с красными и черными флагами в руках двигались по окраинным фабрикам и заводам, окруженные рабочими, и заставляли бросать работу.

В продолжение нескольких часов сборища свободно распоряжались Барцелоной, не давая, однако, воли хищническим инстинктам некоторых подстрекателей. Наконец, показались отряды конных и пеших жандармов. Поднялась беготня, послышались вопли, выстрелы. Паника овладела мирным населением, запершимся в своих квартирах.

В виду грозного характера беспорядков, губернатор передал власть командующему войсками округа. Силы, имевшиеся тут в его распоряжении, вскоре оказались недостаточными для города с 650-тысячным населением и с рабочим контингентом тысяч в 150; поэтому военный министр посланно отправил туда гарнизон из Вильянуэва, Таррагоны, Лериды, Реуса, рискуя оставить эти города без защиты. Войска прежде всего заняли водопроводные бассейны, газовые и электрические заводы, а также стра-

Русская печать.

* * В № 243 „Сына Отечества“ г. Рафаилов пытается полемизировать с товарищем Лениным. Некоторые места статьи Рафаилова могут навести читателей, даже социал-революционеров, на весьма грустные размышления. Так, напр., г. Рафаилов пишет:

Ленин дальше говорит, что „мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение“. Но мы полагаем, что это заявление с его стороны просто описка. При современном несомненном господстве капитала и товарного хозяйства в огромной части России существует уравнительное землепользование. Конечно, местами принцип уравнительности терпит нарушения, но все-таки в общем он оказывается достаточно живуч.

Итак, в настоящее время „уравнительное землепользование“ в общем господствует, лишь терпя кое-какие исключения! Ну да, такое уравнительное землепользование возможно, конечно, и при капиталистическом строе, но неужели г. Рафаилов посмеет утверждать, что оно хоть на один золотник облегчает, тяжесть нищеты, давящей крестьянские массы? Неужели это уравнительное землепользование может считаться хоть одним зарывом мыслящим человеком за препятствие к капиталистическому расслоению крестьянства? Ссылаясь на современные деревенские порядки, ставя свое утопическое „уравнение“ на одну доску с обрывками фискально-общинных членей, г. Рафаилов, сам того не замечая, сервирует свои уравнительные мечты под форкким соусом иронии.

Далее г. Рафаилов говорит:

Мы глубоко убеждены, что проведение принципа социализации земель нанесет очень серьезный удар массовой нищете. Оно даст трудовому крестьянству необходимую передышку, чтобы взяться за дальнейшее строительство своей судьбы.

тегические пункты, из опасения помощи со стороны приближавшихся крестьян. Конная guardia civil после получения местами поддерживала правильную перестрелку с забастовщиками, вооруженными револьверами и камнями, при чем было не мало раненых и несколько убитых. В Cruz Cubierta устроена была баррикада, с которой долго поддерживался огонь против отряда пехоты, и только в виду решения солдат взять приступом позицию защитники рассыпались. В курьерском поезде, встреченном градом камней, не осталось ни одного стекла; было несколько попыток устроить сход с рельсов поезда, идущего в Бадалону. На второй день вышел один вагон трамвая; из толпы был сделан выстрел в машиниста; находившиеся на платформах солдаты ответили залпом и ранили несколько человек. Нередко происходили между стачечниками и не пристававшими к ним товарищами побоища, пускались в ход ножи и револьверы. Нет надобности перечислять многочисленные схватки, крупные насилие, театром которых была в последние дни и продолжает быть Барцелона. Как всегда бывает при подобных обстоятельствах, много убитых и раненых оказалось среди совершенно не причастных к беспорядкам; между потерпевшими попадают старухи, а также малолетние дети, из любопытства высунувшиеся из окна.

По словам очевидцев, тяжелую картину представляет теперь богатая столица Каталонии. Магазины, фабрики, мастерские, кафе, театры закрыты; на тротуарах много